

Экспертное мнение на запрос судьи Конституционного Суда Российской Федерации Красавчиковой Л.О. от 23 октября 2013 г.

Надлежит отметить, что в абз. 2 п.2 ст. 200 ГК РФ десятилетний срок, который предоставляется для исполнения обязательства, срок исполнения которого не определен или определен моментом востребования, ошибочно квалифицируется как срок исковой давности, поскольку начало его течения приурочено к моменту возникновения самого обязательства. Это противоречит как общему определению исковой давности, данному в ст. 195 ГК, так и указанию в п. 2 ст. 196 ГК на то, что срок исковой давности не может превышать 10 лет со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен.

В ст. 196 ГК речь действительно идет о сроке исковой давности, поскольку его течение при всех обстоятельствах не может начаться ранее того дня, когда произошло нарушение права. Оно может, однако, начаться позднее дня нарушения права, что и предусмотрено в п. 1 ст. 200 ГК. Между тем в абз. 2 п. 2 ст. 200 ГК начало течения срока исковой давности приурочено к моменту возникновения самого обязательства, хотя его нарушения еще не произошло. По существу речь здесь идет не о сроке исковой давности, а о пресекательном (пресекательном) сроке.

Напомним, что срок исковой давности – это срок для защиты нарушенного права, в то время как пресекательный срок определяет временные границы существования права в его ненарушенном состоянии. В качестве примера такого срока можно привести шестимесячный срок для принятия наследства или срок, в течение которого собственник может осуществить преимущественное право покупки доли в общей долевой собственности.

Что же касается десятилетнего срока, предусмотренного в последнем предложении п. 1 ст. 181 ГК, то его действительно можно квалифицировать как срок исковой давности, поскольку его исчисление начинается со дня исполнения ничтожной сделки, т.е. со дня правонарушения, и не расходится с общим правилом, предусмотренным ст. 195 ГК.

Остальных изменений, внесенных в ГК Законом от 7 мая 2013 г., не затрагиваю, поскольку они не имеют прямого отношения к запросу Конституционного Суда.

Эти общие рассуждения, в известной мере, могут служить ориентиром при определении границ, в том числе и временных границ применения новелл, предусмотренных Законом РФ от 7 мая 2013 г. №100.

Эти новеллы, как бы к ним ни относиться, подлежат применению к обязательствам, срок исполнения которых не указан или определен моментом востребования, если обязательство возникло после введения Закона от 7 мая 2013 г. в действие.

Применительно к заемным обязательствам это означает, что займодавец, если он желает вернуть сумму займа, обязан в пределах десятилетнего срока, предусмотренного п. 2 ст. 200 ГК, исполнить кредиторскую обязанность: потребовать от заемщика возврата суммы займа. Для возврата этой суммы должнику предоставляется законом тридцатидневный срок (абз. 2 п. 1 ст. 810 ГК). Если возврата этой суммы в срок не последует, то по истечении указанного срока займодавец располагает сроком исковой давности в три года для взыскания этой суммы в принудительном порядке через суд.

Подлежат ли эти правила применению к заемным обязательствам, возникшим до введения в действие Закона от 7 мая 2013 г., и, если подлежат, то в какой мере?

Конечно, можно было бы от них отмахнуться, сославшись на ошибку, допущенную законодателем при юридической квалификации указанного срока, по крайней мере применительно к интересующим нас обязательствам, на которую, по-видимому, закрыл глаза Верховный Суд РФ. Попробуем, однако, найти выход из возникшего положения, не ставя в неловкое положение ни законодателя, ни Верховный Суд РФ.

Если обязательство возникло ранее введения в действие указанного правила о десятилетнем сроке (по существу – пресекательном по своей юридической природе), то для такого обязательства этот срок начинает течь не с момента возникновения самого обязательства (тогда такой обязанности на займодавца вообще не возлагалось), а лишь с момента введения в действие закона, установившего такое правило. Тем самым мы придаем указанному правилу обратную силу, но вместе с тем не отягощаем положение займодавца, на которого она свалилась как снег на голову. При ином толковании мы допустили бы поворот к худшему и вступили бы в явное противоречие с принципом диспозитивности, который неукоснительно должен действовать в договорном праве как один из основополагающих принципов гражданско-правового регулирования. В противном случае мы произвольно навязывали

бы контрагентам в обязательстве волю законодателя, о которой они, заключая договор, и понятия иметь не могли.

Дальнейший ход рассуждений применительно к обязательствам, возникшим до введения в действие Закона от 7 мая 2013 г., тот же, что и к обязательствам, возникшим после введения его в действие. Кредитор в пределах десятилетнего срока, исчисляемого с момента введения закона в действие, обязан заявить (если он не заявил этого ранее) о своем требовании к заемщику. Если оно не удовлетворено, он располагает, как и в ранее рассмотренном случае общим сроком исковой давности для взыскания задолженности в принудительном порядке.

К решению возникшей проблемы можно подойти под несколько иным углом зрения. Правоотношения по заемным обязательствам носят длящийся характер. Новый закон применяется в этом правоотношении к тем правам и обязанностям, которые возникли после введения указанного закона в действие. До введения в действие Закона от 7 мая 2013 г. у займодавца в заемном правоотношении, если срок исполнения обязательства не определен или определен моментом востребования, не было обязанности в течение срока, не превышающего десяти лет, требовать от заемщика исполнения обязательства под страхом его утраты, она возникла лишь с момента введения в действие Закона от 7 мая 2013 г. Соответственно этому десятилетний срок (в данном случае) должен течь не с момента возникновения самого заемного обязательства, а лишь с того момента, когда такая обязанность возникла, то есть с того момента когда эта обязанность законом была введена. Таким образом, и при таком ходе рассуждений итоговый вывод будет тот же, что и при предыдущем.

Предложенное решение избавляет от необходимости выяснять, когда займодавец предъявлял к заемщику требования о возврате суммы займа (они должны быть сняты), а также, правильно ли определял суд размер подлежащих взысканию процентов. Эти и другие вопросы Конституционный Суд РФ не должен рассматривать. Они подлежат рассмотрению судами общей юрисдикции, которым дело должно быть направлено для пересмотра.

Экспертное мнение подготовил доктор юридических наук, профессор СПбГУ Толстой Георгий (Юрий) Кириллович.

25 октября 2015 г.

